

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.38>

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович, Мугумова Анна Львовна

**ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЛИЗМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ГРИБОЕДОВА: АСПЕКТЫ
ОБНОВЛЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Статья посвящена созданию на основе обновленной интерпретации уже известных и привлечения новейших лексических фактов исчерпывающего свода экзотических ориентализмов, получивших отражение в творчестве А. С. Грибоедова. Более последовательное использование методов и приемов историко-этимологического анализа, с учетом темпорального (абсолютной и относительной новизны) аспекта функционирования эксплицитных и имплицитных ориентальных экзотизмов в рассматриваемых текстах, позволило получить принципиально новые результаты. Их последующий системный анализ составит предмет дальнейшей исследовательской работы авторов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 181-187. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

13. Селищев А. М. Старославянский язык: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та; Наука, 2006. 496 с.
14. Сказание о Дракуле-Воеводе [Электронный ресурс]. URL: http://drevne.ru/lib/drakula_s.htm (дата обращения: 04.10.2019).
15. Слово о погибели Русской земли [Электронный ресурс]. URL: https://librebook.me/slovo_o_pogibeli_russkoi_zemli/vol1/1 (дата обращения: 04.10.2019).
16. Слово о полку Игореве / под ред. А. С. Степановой. М.: Азбука, 2015. 256 с.
17. Хабургаев Г. А. Старославянский язык: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Альянс, 2012. 288 с.
18. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 312 с.
19. Codex Suprasliensis [Электронный ресурс]. URL: <http://csup.ilit.bas.bg/> (дата обращения: 01.10.2019).

ORIGIN OF THE MODERN RUSSIAN ROOT AFFIXES

Golaidenko Larisa Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Sal'nikov Vadim Borisovich

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa
lngolaydenko@gmail.com; salnikova-marina@yandex.ru

The article examines the origin of root affixes functioning in the modern Russian literary language. Originality of the paper includes the diachronic approach to studying the Russian root affixes. The paper aims to identify the sources of affixoidation as a word-formative means and to ascertain the stages of differentiation of root affixes and productive stems. Analysing the Old Slavonic and the Old Russian compounds, the authors conclude that the key role in the formation of the Russian root affixes belongs to the Old Slavonic words.

Key words and phrases: root affixes; affixoidation; diachronic approach to studying affixoidation; origin of the Russian root affixes; root affixes in the Old Slavonic language; root affixes in the Old Russian language; stages of root affix formation in the Russian language; sources of root affixes in the Russian language.

УДК 811.161.1/81.373.614

Дата поступления рукописи: 07.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.38>

Статья посвящена созданию на основе обновленной интерпретации уже известных и привлечения новейших лексических фактов исчерпывающего свода экзотических ориентализмов, получивших отражение в творчестве А. С. Грибоедова. Более последовательное использование методов и приемов историко-этимологического анализа, с учетом темпорального (абсолютной и относительной новизны) аспекта функционирования эксплицитных и имплицитных ориентальных экзотизмов в рассматриваемых текстах, позволило получить принципиально новые результаты. Их последующий системный анализ составит предмет дальнейшей исследовательской работы авторов.

Ключевые слова и фразы: экзотический ориентализм; творчество А. С. Грибоедова; обновленная интерпретация; темпоральный аспект; историко-этимологический анализ.

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович, д. филол. н., доцент
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
garun48@mail.ru

Мугумова Анна Львовна, к. филол. н., доцент
Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала
garun48@mail.ru

ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЛИЗМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ГРИБОЕДОВА: АСПЕКТЫ ОБНОВЛЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Первым и последним на сегодняшний день опытом исследования рассматриваемой проблемы, связанной, прежде всего, с историко-этимологическим анализом экзотизмов ориентального происхождения, получивших отражение в творчестве А. С. Грибоедова, стала наша статья, посвященная ей, но в плане постановки вопроса [4]. Вместе с тем рассматриваемая проблема не утратила своей **актуальности**, и предметом данной статьи стал анализ ориентализмов в произведениях А. С. Грибоедова в контексте их отношений с аналогичной лексикой, присущей также творческому наследию А. С. Пушкина и его современников, к числу которых относятся М. Ю. Лермонтов, П. А. Вяземский, А. А. Бестужев-Марлинский и А. И. Полежаев, ибо в конечном счете специально посвященные настоящему вопросу исследования на сегодняшний день неизвестны. В силу этого **цель** настоящей работы заключается в том, чтобы создать на основе обновленной интерпретации уже известных и привлечения новейших лексических фактов исчерпывающий свод экзотических ориентализмов, получивших отражение в творчестве А. С. Грибоедова. Как следствие к числу главных **задач** настоящей публикации относятся историко-этимологическая характеристика выявленных эксплицитных

и имплицитных ориентальных экзотизмов и их интерпретация в темпоральном аспекте – с точки зрения их абсолютной и относительной новизны. В подобном подходе заключается **научная новизна** данной работы, ибо уже предварительные наблюдения, осуществленные в первой статье, показали, что автор «Горе от ума» является предшественником названных писателей в связи с первоначальным использованием им и последующим закреплением в русском литературном языке некоторых восточных ориентализмов, получивших отражение в русской художественной литературе соответствующей эпохи.

Материалы статьи могут получить практическое применение при изучении школьного и особенно вузовского преподавания курса истории русской литературы первой половины XIX века в связи с творчеством А. С. Грибоедова в ориентальном (кавказском) контексте, актуальном в настоящее время. И выявляемое сравнительное обилие восточных (в основном тюркских) экзотизмов в его произведениях (см. в последующем изложении), подобно тому, как английский язык в настоящее время «становится доминирующим языком-донором» [6, с. 103], объясняется уже отмеченным традиционным функционированием тюркских языков в регионе в качестве основного средства межэтнического общения [3, с. 15], а также известностью А. С. Грибоедову восточных языков, среди которых обычно называют турецкий (азербайджанский), персидский (иранский) и арабский.

Методы и приемы, использованные в работе, носят комплексный диахронно ориентированный характер. Наряду с историко-этимологической, другой основой анализа, осуществленного в данной статье и иных подобных публикациях одного из авторов данной статьи, стало положение о том, что свидетельством окончательного усвоения и освоения того или иного слова в литературном языке является его отражение в академических нормативных словарях русского языка [12, с. 45; 13, с. 94]. Первоначально, до своего освоения литературным стандартом (языком), лексические заимствования поступают в какой-либо язык на правах экзотизмов, каковые, в принципе, до своего возможного включения в академические словари могут отражаться в иных толковых (неакадемических) словарях. Для рассматриваемой эпохи таковым являлся трехтомный «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту» Н. Яновского, издававшийся в 1803, 1804 и 1806 годах (см. сноски на него в последующем изложении в связи с историей слов *байрам*, *караван-сарай*, *имам*, *муэдзин*, *факир*, некоторые из которых были приведены в нем и в ином фонетическом облике). Дальнейшее отражение этих и иных слов, рассматриваемых в настоящем изложении, в таких нормативных академических словарях русского языка конца XVIII – начала XIX в., как «Словарь Академии Российской» (1789-1794 гг.) и «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» (1806-1822 гг.), представляющий собой его второе несколько расширенное издание [5, с. 79], означает в конечном счете, что они вошли в состав русского литературного языка.

Имея в виду роль того или иного писателя, связанную с формированием фонда лексических ориентализмов нового (современного) русского литературного языка пушкинской (1820-1830-х гг.) эпохи, рассматриваются выявленные экзотизмы, отразившиеся в академическом словаре 1847 года. Впоследствии – в таком же словаре конца XIX – 30-х гг. XX в. и в дальнейшем – в академическом словаре 1948-1965 гг., а также его втором издании – с 1991 года. Как следствие, лексемы, впервые употребленные автором какого-либо художественного произведения, квалифицируются как экзотизмы *абсолютной новизны*, входящие в силу данного обстоятельства в стандартный (литературный) русский язык. Вслед за иными авторами – своими предшественниками или даже современниками – *относительной*, то есть закрепляющиеся тем самым в литературном русском языке [3, с. 9; 13, с. 96].

Нами (авторами) было отмечено также, что, несмотря на сравнительно раннее (в пределах рассматриваемого периода) время создания большинства художественно-документальных сочинений А. С. Грибоедова, ориентализмы в них носят имплицитный (подразумеваемый, менее надежный в хронологическом отношении) характер, в отличие от эксплицитных (определенно выраженных), получивших отражение в опубликованных произведениях А. С. Грибоедова [4, с. 149]. Это связано с тем, что, хотя обычно А. С. Грибоедова принято считать *homo unius libri* (человек одной книги) – «Горе от ума», заслуживают особого внимания, помимо художественных произведений, его художественно-документальные сочинения (путевые заметки, эпистолярный).

Однако первые из них, включающиеся в число жанров художественной литературы [7, с. 20], были введены в литературный обиход лишь в 1859 г. Вторые – письма, которые также относятся к «письменным жанрам обиходно-разговорной сферы общения (наряду с дневниковыми записями, записками и т.д.)» [16], были обнародованы (с дополнениями в последующих изданиях) еще позже – в первом полном собрании сочинений А. С. Грибоедова 1911-1917 гг. [30].

Вместе с тем не следует забывать, что А. С. Грибоедов (1795-1829) вместе И. А. Крыловым сыграл определенную роль в формировании норм литературной речи. Как полагают исследователи, они «синтезируют языковые единицы живой народной речи с различными языковыми элементами литературного языка в пределах одного литературного жанра: Крылов – в басне, Грибоедов – в комедии» [8, с. 219].

Необходимость в обновлении результатов, достигнутых в вышеупомянутой публикации, была обусловлена главным образом тем, что одним из авторов данной статьи в недавнем исследовании аналогичного характера в качестве основы извлечения необходимого иллюстративного материала использовался Национальный корпус русского языка [3].

1. Эксплицитные экзотизмы абсолютной новизны

1.1. Из ногайского языка, закрепившиеся в конце XIX века

В стихотворении А. С. Грибоедова «Хищники на Чегеме» 1825 г., опубликованном в 1826 г. («И *джигитам*, узденям Юных пленниц приумножим И кадиям, людям божьим, Красных отроков дадим (Верой стан наш невредим)») [30], периода усмирения Большой Кабарды, впервые используется ногайское по происхождению [11, с. 14] слово *джигит* ‘смелый, лихой наездник; удалец (у кавказских народов)’ [21, с. 765]

и 'искусный и отважный наездник (у народов Кавказа, Средней Азии, у кубанских казаков)' [29, с. 216]. Не исключена вместе с тем и более ранняя датировка первичного употребления данного слова – в стихотворении малоизвестного поэта Тимофея Савельевича Беляева (1768-1846) «Песнь Курайча Рифейских гор» (1813), однако дата создания стихотворения считается неточной [14], а творчество поэта представлено еще лишь одним его стихотворением «К старому и новому домам в деревне Ключах», датированным 1814 годом, что также никак не подтверждается дополнительными источниками. Рассматриваемое слово закрепляется в русском литературном языке с конца XIX века, так как было впервые отмечено в академическом словаре 1895 г. [29, с. 216]. Позднее это слово употребляется А. И. Полежаевым в одном из стихотворений 1830-1831 гг. (опубл. 1832 г.) [15, с. 85], А. С. Пушкиным – в стихотворении 1830 г. «Стамбул гяуры нынче славят...», вошедшем в «Путешествие в Арзрум» (опубл. 1836 г.), и в первой из изданных поэм М. Ю. Лермонтова – «Измаил-Бей» (1832 г., опубл. 1843 г.). В ней рассматриваемая лексема сопровождается авторским примечанием «Наездники», что говорит о недостаточной известности ее значения ко времени издания поэмы. Данная интерпретация [4, с. 148] дополняется примечанием Л. Н. Толстого к рассказу «Набег. Рассказ волонтера» (1853): «Джигит – по-кумыцки значит храбрый; переделанное же на русский лад джигитовать соответствует слову “храбриться”» [14].

1.2. Из грузинского языка, закрепившиеся в середине XIX века

В письме А. С. Грибоедова из Тифлиса к издателю журнала «Сын Отечества» (опубл. 1819 г.) используется грузинизм *сакля* («Вечером в порядочных домах танцуют, на *саклях* (*террасах*) (курсив наш. – Г.- Р. Г., А. М.) звучат бубны и завывают песни, очень приятные для поющих») [30]. Он впервые отмечен в академическом словаре 1847 г. [25, с. 58] в значении 'хижина или землянка у кавказских народов' и употребляется и В. К. Кюхельбекером, побывавшим в Тифлисе в 1821 г. [34, с. 9-10]. В своем «Кавказском пленнике» (1820-1821) А. С. Пушкин объясняет его значение как 'хижина кавказских горцев' [31] (ср. в «Аммалат-Беке» (1831 г.) А. А. Бестужева-Марлинского, который использовал это слово в «Письмах из Дагестана» (1831 г.): «*Сакля*... по-черкески значит дом» [1, с. 433]), что свидетельствует о недостаточной узуальной известности данного слова в рассматриваемую эпоху. Не исключено, что А. С. Пушкин до написания своей поэмы (1820-1821, опубл. 1822) мог ознакомиться с содержанием вышеупомянутой статьи А. С. Грибоедова. Тем более что влиянием А. С. Пушкина могло быть обусловлено употребление данного слова и в «Кавказском пленнике» (1828, опубл. част. 1860, полн. 1891) М. Ю. Лермонтова [10, с. 455]. Данное произведение считается прямым подражанием одноименной поэме Пушкина [Там же, с. 752], и в вышеупомянутые годы произведения Лермонтова еще не издавались. Подобная интерпретация [4, с. 148-149], по данным Национального корпуса русского языка [14], подтверждается фактом употребления данного слова Л. Н. Толстым в рассказе «Набег. Рассказ волонтера» 1853 г. («Там рушится кровля, стучит топор по крепкому дереву, и выламывают дощатую дверь; тут загораются стог сена, забор, сакля, и густой дым столбом подымается по ясному воздуху»). Причем его экзотический характер продолжал ощущаться еще в начале XX века, если принять во внимание разъяснение его значения, получившее отражение в детском романе Л. А. Чарской «Княжна Джаваха» (1903 г.) [Там же].

2. ИмPLICITНЫЕ ЭКЗОТИЗМЫ АБСОЛЮТНОЙ НОВИЗНЫ

Предварительно следует отметить, что из рассмотрения в пределах данной группы исключаются экзотизмы *факир*, *рамазан* и *алкоран* [4, с. 149-151]. Первый из них ввиду того, что *факир* – усвоение через немецкий или французский из арабского, отмеченное в старшем значении 'мусульманский или индуистский бродячий монах, давший обет нищенства' в словаре Яновского 1806 г. [33, с. 300]. Слово было употреблено еще Г. Р. Державиным в оде «Видение Мурзы» (1783-1784), а также в романе В. Т. Нарезного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814), и лишь затем оно используется А. С. Пушкиным в «Бахчисарайском фонтане» (1821-1823, опубл. 1824) (ср.: «Блажен факир, узревший Мекку На старости печальных лет») и М. Ю. Лермонтовым в «Стансах. К Д***» (1831, опубл. 1859) [14]. Второй генетически арабский экзотизм, по данным Национального корпуса [14], еще до употребления А. С. Грибоедовым был употреблен в повести В. Баранщикова «Нещастные приключения Василья Баранщикова...» (1787, опубл. 1995), А. Е. Соколовым в «Дневных записках о путешествии российско-императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, веденных советником этого посольства А. Е. Соколовым» (1816-1817), изданных в 1910 г. Третий – *алкоран* – получил отражение в «Почте Духов» И. А. Крылова (1789), затем в оде Е. И. Кострова «Его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому» (1792), до этого в публицистике Н. И. Новикова (1770) [Там же]. Кроме того, из состава данной группы в соответствии с целью данной работы исключается экзотизм *гарем*, отнесенный к числу эксплицитных экзотизмов относительной новизны, получивших отражение в творчестве А. С. Пушкина [3, с. 13], а также *аул*, прежняя соответствующая мотивация которого при ближайшем рассмотрении оказывается недостаточной.

2.1. Из персидского

2.1.1. Через посредство турецкого, закрепившиеся в конце XIX века

В путевых записках А. С. Грибоедова «Тифлис – Тегеран» и «Тегеран – Султанея» (1819, опубл. 1859) употреблена лексема *байрам* [30], генетически иранская в форме, совпадающей с диалектной турецкой, в то время как в академическом словаре 1891 г. закрепилось общетюркское *байрам* [17, с. 35], а до этого в словаре Яновского 1803 г. получили отражение оба варианта – *байрам* [27, с. 297] и *байрам* [20, с. 245]. В устаревшей форме *баиран*, которая отмечается еще в лексических материалах XVIII в. [19], она была использована в «Кавказском пленнике» (1820-1821, опубл. 1822) А. С. Пушкина («Бывало, в светлый *Баиран*'н Сбегутся юноши толпою; Игра сменяется игрою»), но в комментарии автора к ней приводится и канонический (см. выше) вариант: «*Баиран*, или *Байрам* – праздник разговенья. *Рамазан* – мусульманский пост» [31].

Форма *байрам* получает отражение в его статье «Взгляд на военное состояние Турецкой империи», опубликованной в журнале «Сын Отечества» (1826), что указывает на ее узальный характер в рассматриваемую эпоху. Ср. также *байрам* в поэме А. И. Полежаева «Чир-Юрт» (1832) и в более позднем произведении М. Ю. Лермонтова – в поэме «Измаил-Бей» [14] (1832, опубл. 1843).

2.1.2. Через посредство азербайджанского во второй половине XX века

Лексема *чадра*, упомянутая ранее А. С. Грибоедовым в письме В. К. Кюхельбекеру (1822-1823, опубл. 1911-1917) в форме ед. ч. м. р. неод. Р. п. *чадер* [*чадра*] («...у нас, коли поблагоднее, укрыты плотно-стию *чадера*, а наших одоземок природа...»), а затем в дневнике путешествия по Крыму (1825, опубл. 1859) в форме ед. ч. Им. п. м. р. *чадирь* («...первая под самым темем, шатром (*чадирь*), все негладкости будто стесаны...») [30], была употреблена 4 раза А. С. Пушкиным в «Путешествии в Арзрум» (1829, опубл. 1835) в женском роде. Ср.: «Я встретил путешествующих татар; между ими было несколько женщин. Они сидели верхами, окутанные в *чадры*; видны были у них только глаза да каблуки» [31]. Она, будучи усвоенной из персидского через азербайджанский, получила отражение в академическом словаре в 1965 г. и была практически одновременно в той же форме женского рода употреблена А. А. Бестужевым-Марлинским в «Письмах из Дагестана» (1831), а в повести «Мулла-Нур» (1836) объясняется как 'женское покрывало', как и в поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри» (1839, опубл. 1840), а также в каноническом (1839 г.) варианте поэмы «Демон» (1829-1839, опубл. 1856) [11, с. 20, 21, 23; 26, с. 742-743] (в «лопухинском» – до октября 1838 г. – вариант шестой редакции – 'белое покрывало' [9, с. 499]).

2.2. Кумыкско-азербайджанское усвоение, закрепившееся во второй половине XX века

В 1819 г. – в путевых записках «Тифлис – Тегеран» (опубл. 1859) А. С. Грибоедова – получает отражение неизвестная в данном значении словарю XVIII века лексема *башлык*: «Я укутался буркою, обертел себе лицо *башлыком*, пустил коня наудачу» [30]. У А. С. Пушкина в «Путешествии в Арзрум» почти в том же контексте («Я затянул ремни моей бурки, надел *башлык* на картуз и поручил себя провидению») (1829, опубл. 1835) она употребляется дважды [31] (ср. у него же единично употребленную в повести «Кирджали» (1834) в контексте «Я отдал ему двадцать *бешлыков* и остался без денег» форму *бешлык* 'мелкая турецкая монета' [Там же], которая имеет в русской традиции того времени значение 'татарская монета' [19]), до этого – К. Ф. Рылеевым в опубликованном отрывке «Палей» (1825) [14], являясь словом кумыкско-азербайджанского происхождения, усвоенным через посредство терских русских говоров [11, с. 14, 15]. Оно было использовано затем в «Аммалат-Беке» (1831) А. А. Бестужева-Марлинского и поэме М. Ю. Лермонтова «Черкесы» (1828, опубл. част. 1860, полн. 1890) и получило отражение в академических словарях второй половины XX века [20, с. 302; 27, с. 375].

3. Эксплицитные экзотизмы относительной новизны

Из состава данной группы в соответствии с целью данной работы исключается ориентализм *уздень*, употребленный А. С. Грибоедовым вслед за А. С. Пушкиным [4, с. 151] и относящийся к числу эксплицитных экзотизмов абсолютной новизны, получивших отражение в творчестве А. С. Пушкина [3, с. 11], а также *кадий*, который употребляется в художественной литературе середины-конца XVIII в. – в одном из переводов с французского, а также в «Почте духов» восточной повести И. А. Крылова «Каиб» [14; 19].

3.1. Через турецкий из иранского, закрепившийся в первой половине XIX века [11, с. 22]

Караван-сарай 'в Азии и Закавказье – постоянный двор, место стоянки караванов с помещениями для людей и грузов' [22, с. 798] в русском языке с XVII в. [11, с. 22]. В новом русском языке: в одном из переводов 1776 г. географических сочинений и дипломатических документах 1717-1725 гг., изданных лишь в 1853 г. [19], а также в письме А. С. Грибоедова из Тифлиса к издателю журнала «Сын Отечества» (опубл. 1819 г.) и его путевых записках «Тифлис – Тегеран» (1819, опубл. 1859) [30], в романе Ф. В. Булгарина «Иван Иванович Выжигин» (1829), «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» А. С. Пушкина (1835), повести А. А. Бестужева-Марлинского «Мулла-Нур» (1836) и сказке М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб» (1837) [14]. В словарях: *караван-сарай* (Яновский «Новый словоупотребитель», 1804), *караван-серай* (академический словарь 1847 г.) [22, с. 798].

4. Имплицитные экзотизмы относительной новизны

Из состава данной группы в соответствии с целью данной работы исключается ориентализм *шапка*, отнесенный к числу эксплицитных экзотизмов относительной новизны, получивших отражение в творчестве А. С. Пушкина [3, с. 14]. Вместе с тем следует отметить и более позднее, чем у А. С. Пушкина (с 1815 г. [31]), употребление в драматической сцене А. С. Грибоедова «Грузинская ночь» (1828 г., опубл. 1859 г. [30]) кумызма *кинжал*, усвоенного в последней четверти XVI в. [2, с. 133]. О сравнительно широкой узальной известности этого слова говорит его отражение в «Русско-английском словаре» Р. Джемса 1618-1619 гг. [32, с. 396], словарях XVIII в., в академическом словаре 1847 г. [24, с. 947]. До последней лексикографической фиксации – в произведениях М. Ю. Лермонтова, начиная с «Черкесов» (1828, опубл. част. 1860, полн. 1891), а также А. А. Бестужева-Марлинского и А. И. Полежаева. Аналогично немногим ранее – в 1819 г. – в путевых записках «Тифлис – Тегеран» А. С. Грибоедова получает отражение лексема *бурка* – тюркизм, известный со второй половины XVII в. [18, с. 356] настолько, что он упоминается, помимо словарей XVIII в. [20, с. 698; 27, с. 828], например, в «Материалах к Российской грамматике» М. В. Ломоносова 1747-1755 гг. без указания значения [20, с. 698]. Все это указывает на сравнительно широкую узальную известность данного слова, хотя в академических словарях оно получило известность лишь в середине XX века [20, с. 698], но раньше у А. С. Пушкина – с 1815 г., а также у М. Ю. Лермонтова, начиная с «Черкесов» (1828, опубл. част. 1860, полн. 1891), в 30-е годы XIX века – у А. А. Бестужева-Марлинского.

4.1. Из азербайджанского языка, усвоенное через персидский из арабского и закрепившееся в середине XIX века

В 1820 г. в письме А. С. Грибоедова Н. А. Каховскому, затем в «Горе от ума» («Наш ментор, помните колпак его, *халат*, Перст указательный, все признаки ученья») (1824) и в его же в путевых записках «Эриванский поход» (1827, опублик. 1859) [30] *халат* ‘длинная и широкая верхняя одежда у некоторых азиатских народов, обычно без застежек, с запахивающимися полами’, отразившийся в академическом словаре 1847 г. [26, с. 11] и заимствованный не позже XVII в. [11, с. 22]. Употреблен также А. С. Пушкиным в «Египетских ночах» (1835, опублик. 1837) [31] и М. Ю. Лермонтовым – в отрывке «Штосс» (1841).

4.2. Из арабского через тюркское посредство, закрепившееся в середине XIX века

В путевых заметках А. С. Грибоедова «Тегеран – Султанея» (1819, опублик. 1859) (включаются в число жанров художественной литературы [7, с. 20]) имеет место одно первых употреблений слова *имам* в русской художественной литературе, ср.: «Возле нашей палатки факир с утра до вечера кланяется к востоку и произносит: “Ей Али” и, обратившись в другую сторону: “Имам Риза”» [30]. Более раннее его использование как арабизма, усвоенного через тюркское посредство, наблюдается в 1730-е гг., но в текстах художественной литературы – в русском переводе «Кандида» Вольтера (1769) и в форме *иман* в одной из журнальных публикаций 1789 г., притом что в «Новом словотолкователе» Яновского (1803) отражаются обе формы – *имам* и *иман*. Употребление первого варианта имеет место в «Почте Духов» И. А. Крылова (1789), в журнальных статьях 1805 г., одним из писем А. С. Грибоедова 1825 г. и у А. А. Бестужева-Марлинского в «Аммалат-Беке» (1831). Тем самым представляется возможным полагать, что о закреплении последней, ныне канонической формы в третьем издании словаря В. И. Даля, а затем и в академическом словаре середины XX века свидетельствует также ее имплицитное отражение в путевых заметках и письмах А. С. Грибоедова (1819, 1825 гг.) [19; 22, с. 292].

4.3. Через татарское посредство из арабско-персидского источника, закрепившееся в середине XX века [11, с. 14, 15]

Узуально сравнительно известный канонический вариант *мулла* ‘служитель религиозного культа у мусульман, обычно избираемый из своей среды’ [23, с. 1360] был заимствован еще в XVIII веке, но не получил отражения в «Словаре Академии Российской» и произведениях русской художественной литературы того же времени [19]. Данный вариант был употреблен Ф. Н. Глинкой в недатированном (между 1812-1825) стихотворении «Смерть Фигнера», Н. А. Полевым – в «Повести о Симеоне суздальском князе» (1828), затем А. С. Пушкиным – в «Путешествии в Арзрум» (1829, опублик. 1835) и позже употреблен А. А. Бестужевым-Марлинским в «Аммалат-Беке» и «Письмах из Дагестана» (1831), а также М. Ю. Лермонтовым в поэме «Каллы» (1830-1831, опублик. част. 1860, полн. 1882). Но раньше в рассматриваемый период первоначально был использован А. С. Грибоедовым в записках «Путешествие от Тавриза до Тегерана» (1819, опублик. 1859), А. Е. Соколовым – в «Дневных записках о путешествии российско-императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах» (1816-1817, опублик. 1910) [14].

4.4. Исконно тюркское (турецкое или азербайджанское), закрепившееся в конце XIX века [11, с. 22]

Бек или *бег* ‘в Закавказье и в Средней Азии титул, присваиваемый: а) людям знатного происхождения, б) князьям или начальникам небольших племен, в) должностным лицам – военным и чиновникам’. В соединении с собственным именем слово *бек* ставилось после имени. *Аммалат-бег*. В академическом словаре 1891 г. – *бег* [20, с. 370], 1992 г. – *бек* [28, с. 456]. Впервые в форме *бег* в XV в. у Афанасия Никитина, *бек* с 1682 г. [18, с. 130]. В тех же формах в источниках XVIII в., но в нехудожественных текстах и по преимуществу в составе личных имен [19]. Использовалось в изолированном употреблении имплицитно: А. Е. Соколовым – в «Дневных записках о путешествии российско-императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах» (1816-1817, опублик. 1910), А. С. Грибоедовым – в записках «Тифлис – Тегеран» (1819, опублик. 1859) и «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» А. С. Пушкина (опублик. 1835). Эксплицитно – А. А. Бестужевым-Марлинским в «Аммалат-Беке» (1831) и М. Ю. Лермонтовым – в «Ашик-Керибе» [14].

4.5. Через немецкий из арабского, закрепившееся в середине XIX века [11, с. 22]

Муэдзин ‘служитель при мечети, возглашающий с высоты минарета часы установленных молитв’. *И, обращаясь на восток, зовут к молитве муэдзины* (Лермонтов «Демон») (точнее, *муэцин* через немецкий [Там же, с. 20]) (1829-1839). С иным (устар.) напис. и произнош.: *муэззин* – Ожегов, Слов. 1949: *муэззин* – араб. *mu'addin* [23, с. 1407]. Первой форме, в принципе, отвечает новое слово, вышедшее из употребления в XVIII веке, – *мовецин* у Кантемира (1737), второй – *муезин* (1722) / *муазин* (1771) и *мюэзин* в «Новом словотолкователе» Яновского [19]. Ныне каноническое *муэдзин* ‘служитель мечети, призывающий с минарета мусульман на молитву’ впервые отражается в одном из писем (1820, опублик. 1911-1917) А. С. Грибоедова, затем в его «Путевых заметках», посвященных Крыму (1825, опублик. 1859), закрепляется в повестях А. А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек» (1831) и «Вадимов» (1834), а также в романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом» (1835) [14].

Таким образом, в соответствии с целью работы – создать исчерпывающий свод экзотических ориентализмов, получивших отражение в творчестве А. С. Грибоедова, было установлено, что, за исключением трех ориентальных экзотизмов, ставших предметом рассмотрения более раннего первоначального варианта исследования (среди них оказались все эксплицитные экзотизмы абсолютной новизны – ногаизм *джигит*, закрепившийся в конце XIX века в русском литературном языке, и грузинизм *сакля*, впервые отмеченный в академическом словаре 1847 г., хотя его экзотический характер продолжал ощущаться еще в начале XX века, а также один имплицитный экзотизм абсолютной новизны *бе́йрам/байрам* персидского происхождения, усвоенный через посредство

турецкого языка и закрепившийся в конце XIX века в литературном языке), абсолютное большинство прочих форм не стало предметом соответствующего анализа в рамках вышеупомянутого первоначального варианта.

Анализ, произведенный также в соответствии с задачами данной работы, позволил существенно дополнить количество получивших отражение в произведениях А. С. Грибоедова ориентальных экзотизмов, включая характеристику их типологии. Речь идет при этом об иных имплицитных экзотизмах абсолютной новизны, употребленных А. С. Грибоедовым и усвоенных во второй половине XX века через посредство азербайджанского языка, – иранизме *чадра* и кумыкско-азербайджанском *баишлык*.

Сюда же представляется необходимым включить, кроме эксплицитного экзотизма относительной новизны *караван-сарай*, заимствованного через турецкий из иранского и закрепившегося в первой половине XIX века в русском литературном языке, целый ряд имплицитных экзотизмов относительной новизны. К ним относятся: 1) персидский арабизм *халат*, заимствованный в середине XIX века через посредство азербайджанского языка; 2) закрепившийся в середине XIX века в русском литературном языке арабизм *имам*, усвоенный через тюркское посредство; 3) *мулла* – освоенное в русском литературном языке в середине XX века татарское усвоение из арабско-персидского источника; 4) исконно тюркское (турецкое или азербайджанское) *бек*, закрепившееся в русском литературном языке в конце XIX века; 5) усвоенный через немецкое посредство арабизм *муэдзин*, освоенный в русском литературном языке в середине XIX века.

Показательно, что вышеупомянутые эксплицитные ориентализмы абсолютной новизны, непосредственное вхождение которых в русский литературный язык обусловлено их исторически первичным использованием А. С. Грибоедовым, восходят к языкам тюркских и картвельских народов Кавказа – ногайскому (*джигит*) и грузинскому (*сакля*). Несколько меньшей степенью надёжности в рассматриваемом отношении обладают также впервые употреблённые А. С. Грибоедовым и также сохраняющие статус экзотизмов эксплицитный экзотизм относительной новизны – турецкий иранизм *караван-сарай* и имплицитные экзотизмы абсолютной новизны – иранизм *чадра*, турецкий иранизм *бейрам/байрам* и кумыкско-азербайджанское *баишлык*.

Гораздо менее показательными являются в отмеченном выше отношении имплицитные экзотизмы относительной новизны, в числе которых, за исключением исконно тюркского (турецкого или азербайджанского) *бек*, преобладают арабизмы и иранизмы, усвоенные в русский литературный язык в значительной мере через посредство тюркских языков Восточного Кавказа (кумыкского и азербайджанского). Они, как было отмечено в вводной части данной работы, с одной стороны, являлись в регионе основным традиционным средством межэтнического общения, с другой – А. С. Грибоедову были известны восточные языки, среди которых обычно называют турецкий (азербайджанский), персидский (иранский) и арабский. Знание последних из них являлось атрибутом местной восточной образованности в условиях исключительной взаимной близости турецкого и азербайджанского языков. При этом в досоветской русской традиции азербайджанский язык, как и прочие тюркские, за исключением турецкого, именовался «татарским», как и кумыкский язык.

Список источников

1. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: в 2-х т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. Т. 1. 630 с.
2. Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений русского языка с языками Северо-Восточного Кавказа и Дагестана. Махачкала: ИП Овчинников, 2010. 215 с.
3. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Экзотические ориентализмы произведений А. С. Пушкина и роль поэта в заимствовании восточной лексики в русский литературный язык XIX-XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2018. № 2. С. 8-18.
4. Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А. Л. А. С. Грибоедов и история ориентализмов в языке русской литературы пушкинской эпохи. К постановке вопроса // Европейский журнал социальных наук. 2013. Т. 1. Вып. 11 (38). С. 147-155.
5. Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А. Л. Ориентализмы нетюркского происхождения, усвоенные русским национальным (литературным) языком в начальный (конец XVII – XVIII в.) период его формирования, в «Словаре Академии Российской» // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2015. № 1 (26). С. 77-83.
6. Гурова Н. С. Заимствование как проблема экологии языка: иноязычия и риторический канон // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 4. С. 98-106.
7. Иванова Н. В. Жанр путевых записок в русской художественной литературе первой трети XIX века (тематика, поэтика): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2010. 26 с.
8. Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. М.: Просвещение, 1992. 303 с.
9. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 2. 780 с.
10. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Советская Энциклопедия, 1981. 784 с.
11. Мугумова А. Л. К проблеме ориентального лексического влияния на язык русской художественной литературы 20-30-х гг. XIX века (на материале произведений М. Ю. Лермонтова): автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2000. 29 с.
12. Мугумова А. Л. Псевдоевропеизмы арабского происхождения, усвоенные в предпушкинскую (XVIII – начало XIX в.) эпоху формирования нового русского литературного языка // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 3. С. 44-49.
13. Мугумова А. Л. Турецкие псевдотюркизмы, усвоенные русским литературным языком в начальный период его формирования и в дальнейшей истории // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 1. С. 94-99.
14. Национальный корпус русского языка. Состав и структура [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru/new/corgora-structure.html> (дата обращения: 24.08.2019).
15. Полежаев А. И. Сочинения. М.: ГИХЛ, 1988. 512 с.
16. Протопопова О. В. Эпистолярный жанр [Электронный ресурс]. URL: http://www.stilistics/academic.ru/264/Эпистолярный_жанр (дата обращения: 28.08.2019).

17. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1978. 349 с.
18. Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1975. Т. 1. 371 с.
19. Словарь русского языка XVIII в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 01.08.2019).
20. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.: АН СССР, 1948. Т. 1. 767 с.
21. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.: АН СССР, 1954. Т. 3. 1294 с.
22. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.: АН СССР, 1956. Т. 5. 1917 с.
23. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.: АН СССР, 1957. Т. 6. 1482 с.
24. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.: АН СССР, 1959. Т. 9. 1460 с.
25. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.: АН СССР, 1962. Т. 13. 1516 с.
26. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.: АН СССР, 1965. Т. 17. 2126 с.
27. Словарь современного русского литературного языка: в 20-ти т. М.: Русский язык, 1991. Т. 1. 864 с.
28. Словарь современного русского литературного языка: в 20-ти т. М.: Русский язык, 1991. Т. 2. 959 с.
29. Словарь современного русского литературного языка: в 20-ти т. М.: Русский язык, 1991. Т. 4. 576 с.
30. Словарь языка Грибоедова [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/concord/abc/> (дата обращения: 01.08.2019).
31. Словарь языка Пушкина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=230> (дата обращения: 01.08.2019).
32. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1994. Т. 1. 622 с.
33. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 1994. Т. 2. 560 с.
34. Шадури Т. Н. Грузинская лексика в русской литературе первой половины XIX в.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тбилиси, 1953. 23 с.

EXOTIC ORIENTALISMS IN A. S. GRIBOYEDOV'S CREATIVE WORK: NEW INTERPRETATION

Guseinov Garun-Rashid Abdul-Kadyrovich, Doctor in Philology, Associate Professor
Dagestan State University, Makhachkala
garun48@mail.ru

Mugumova Anna L'vovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala
garun48@mail.ru

Proposing a new interpretation of the already known linguistic facts and introducing previously unknown information, the authors try to compile a complete corpus of exotic orientalisms represented in A. S. Gribojedov's creative work. Consistently applying the historical and etymological analysis method, taking into account the temporal aspect of explicit and implicit oriental exotisms functioning in the analysed texts, the authors have achieved cardinal new scientific results. Further research is required to analyse the findings.

Key words and phrases: exotic orientalism; A. S. Gribojedov's creative work; renewed interpretation; temporal aspect; historical and etymological analysis.

УДК 8; 80

Дата поступления рукописи: 11.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2019.11.39>

Статья посвящена анализу синтаксического аспекта категории неопределенности в цикле рассказов «Чемодан» Сергея Довлатова. Синтаксический арсенал категории неопределенности представлен существительными в устойчивых словосочетаниях, метафорах, с глаголами совершенного вида, в бытийных предложениях, в некоторых видах придаточных предложений, при инверсионном порядке слов и др. Автор статьи ставит целью доказать, что неопределенные существительные в дискурсе Довлатова обладают своей спецификой, высокой степенью употребительности, выполняют интригующую функцию, а также функцию скрытой оценки.

Ключевые слова и фразы: неопределенные существительные; художественный дискурс Довлатова; синтаксический уровень; обратный порядок слов; категория определенности/неопределенности; словосочетание и предложение; коммуникативная структура предложения; виды придаточных предложений.

Кацитадзе Инна Мангуровна, к. филол. н., доцент
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
mangurowna@yandex.ru

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАТЕГОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

В последние годы наблюдается устойчивый интерес к исследованию функциональной, коммуникативной, структурно-семантической и прагматической сторон языковых категорий. Категория определенности/неопределенности в силу своего «скрытого» характера, как справедливо заметил С. Д. Кацнельсон, до сих пор не теряет своей научно-исследовательской привлекательности [6, с. 78]. Нельзя не отметить, что при кажущейся